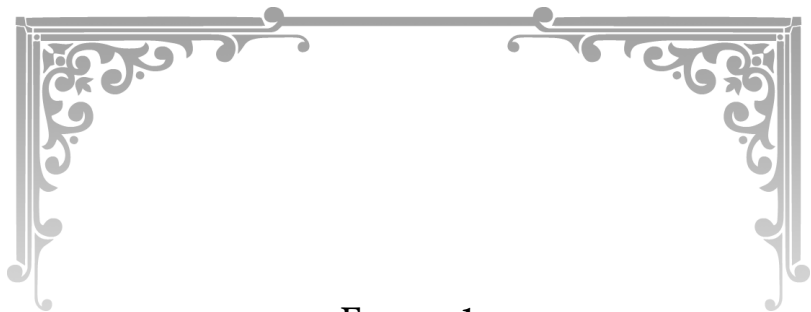

ДЕЙСТВИЕ I

ТЕМНО, КАК В ПУСТОЙ ГРОБНИЦЕ

Глава 1

ТЬМА вскипала в его венах, выпускала струйки дыма с кончиков его пальцев и замутилась взгляд. А когда он думал слишком усердно, слишком быстро, тьма поднималась по его рукам чёрными потоками вместе с кровью.

«Страх становится с тобой одним целым».

Солнце стояло высоко, обрисовывая тень Насира Гамека на палубе корабля Цзинань, когда он сдвинул крышку ящика и вернул на место — по его ощущениям, уже в тысячный раз с тех пор, как они покинули Шарр. Он чувствовал мерный пульс в пальцах — биение четырёх сердец внутри, тех самых сердец, что когда-то принадлежали древним Сёстрам-основательницам Аравии. Тех, что черпали магию из королевских минаретов пяти халифатов, усиливали её и передавали народу. И пока сердца не вернут, волшебство всё равно что исчезло — как это и было в последние девяносто лет.

И всё же магия жила в нём, и Насир не мог скрыть этого, поскольку тени следовали за ним.

— От того, что ты смотришь так пристально, пятое сердце не появится, — сказала Кифа, легко спускаясь по мачте из вороньего гнезда. — Да и он тоже, если уж на то пошло.

Браслет на её руке блеснул — выгравированные на нём скрещенные копья напоминали о том, кем она была когда-то: одной из Девяти, элиты, охранявших халифу Пелузии. С болью Насир понял, что ждёт ответ золотоволосого генерала на эту брошенную походя фразу — остроумный или глупый, не важно, — за которым последуют слова очаровательной Советницы, одной из Девяти.

Но тишина оглушала и тревожила, как и волны Баранси, ударявшиеся о палубу корабля.

Насир подошёл к Цзинань. Рана на ноге, оставленная ифритом на острове Шарр, заставляла его прихрамывать.

— Мы в море уже два дня. Почему так долго?

Зарамийка прищурилась, глядя на него из-под шлема. Непокорные тёмные кудри выбились из-под клетчатого тюрбана, и в тени ткани её карие глаза блеснули красноватым.

— «Анка» — самый быстроходный корабль, Ваше Высочество.

— Не то чтобы в нашем распоряжении были другие корабли, девочка, — заметила Кифа.

Насир задвинул ящик, пряча его в нишу рядом с ней.

Цзинань нахмурилась.

— Я — не девочка. «Анка» означает «феникс». Знаешь, что такое феникс? Бессмертная птица, сотканная из пламени. Этот корабль назвали в честь моей любимой звезды. И мой отец...

— Без разницы, — прервал её Насир, удерживаясь за борт, когда корабль качнуло. Цзинань тяжело вздохнула. — Долго ещё?

— Пять дней, — ответила она гордо, но натолкнулась на усталый взгляд Насира. — Что, корабль Его Высочества мог добраться самое большее за шесть дней? Простите, я ведь не располагаю могуществом султана.

— Мой корабль, — медленно проговорил Насир, — мог добраться до Шарра меньше чем за пару дней, даже учитывая бой с данданом, которого мы победили по пути.

Цзинань присвистнула:

— Ого. Что ж, надо будет мне взглянуть на чертежи этого корабля, когда мы доберёмся до вашего пышного дворца. А что за спешка?

Под покровом кожи вспыхнуло раздражение, и тонкая чёрная струйка сорвалась с пальцев. Цзинань уставилась на него. Кифа сделала вид, что не заметила, и это ещё больше разозлило Насира.

— Ты училась в школе?

Цзинань прищурилась:

— А это-то тут при чём?

— Тогда ты должна понимать весь ужас происходящего, когда я говорю, что Ночной Лев — жив, — ответил Насир, и хашашин внутри него упивался ужасом, отразившимся в глазах девушки. Он не рассказал ей о сердце, которое похитил Лев. Это было ему безразлично, и даже волшебство было не так важно, как Альтаир, но девчонка ведь не поймёт. Насир и сам не понимал, почему так остро переживает за другого человека; все подобные чувства померкли после мнимой смерти матери. — Ты считаешь, Беньямин просто споткнулся о камень и помер?

Нахмурившись, Цзинань отвернулась, а Кифа привалилась плечом к мачте, скрестив руки на груди, изучая его.

— Мы вернём его.

И говорила она не о Беньямине.

— Я не волнуюсь.

— Конечно же, нет, — протянула Кифа. — Я просто напоминаю себе сама, что он ведь Альтаир и вполне может о себе позаботиться. Он может заболтать кого угодно. Лев сам будет умолять нас, чтобы мы забрали его. Не удивлюсь, если он оставил этого дуралея где-нибудь с запиской: «Он весь ваш».

Кифа лукавила, и они оба это понимали. В её голосе, обычно таком твёрдом, сейчас сквозила неуверенность.

Насир вглядывался в морскую гладь, туда, где лежал остров Шарр. Некая часть его ожидала, что их преследовал корабль, такой же тёмный и ужасающий, как сам Лев. Полмесяца назад

Насир был готов убить Альтаира, убить любого, кто встанет у него на пути, но теперь стоило закрыть глаза — и он видел ослепительный свет, исходящий из ладоней Альтаира. Видел острые грани наконечника чёрного посоха Льва, пронзившего сердце Беньямина.

«Жертва», — прошептал тогда Беньямин. Романтическая глупость... Жертва была не чем иным, как смертью — Насир знал, ведь он был рождён для смерти и тьмы. Сложно сохранить своё сердце, когда останавливаешь сердца многих. Сложно делать добро, когда бывшие ошибки всегда будут бросать тень на любое его доброе дело.

Где-то там, на Шарре, его сердце научилось биться снова, и Насир хотел сохранить это. Он желал быть достойным этого, даже если для этого ему придётся сохранить то самое волшебство, которое уничтожило его семью.

Но для начала ему нужно спасти Альтаира и уничтожить Льва.

Он посмотрел на Цзинань:

— Пять дней — это слишком долго. Сделай так, чтобы мы добрались за три.

Цзинань сплюнула.

— Невоз...

Он уже направился к ступеням, ведущим на нижнюю палубу.

— Сделай так, чтобы мы добрались за три, и я удвою сумму, которую Беньямин заплатил тебе серебром.

Молодая капитанша тут же выкрикнула что-то, и зарамский сброд, составлявший её команду, радостно загалдел — их голоса сливались с грохотом волн, бьющихся о борт. Насир не знал, что девушка будет делать с таким количеством монет, но, в сущности, ему было всё равно. Трон вполне сумеет оплатить.

Хромая, Насир спустился по ступеням. Три дня всё-таки было слишком долго. Теперь, когда Лев уже не прикован к острову, у него не было причин там оставаться, особенно учитывая, что Джаварат — ключ к тому, что он мечтал запо-

лучить больше всего — отдалялся всё больше. Zumra¹ должна успеть добраться до берега раньше, чем Лев, иначе всё станет намного сложнее. Но если кто-то и мог ускорить их, то уж точно не смертная девчонка из Зарама.

В утробе корабля пахло солью, и этот запах смешивался с запахом горящего масла. Огни светильников подрагивали, когда Насир пробирался мимо кают, жавшихся друг к другу, словно зубы во рту. В полумраке, напоминавшем ему о дворце, теснились койки и другая немногочисленная мебель.

Не успел он вздохнуть, как оказался вдруг перед Гамеком, рассказывая ему о миссии. О том, как не сумел убить генерала султана. Как не сумел убить Охотницу и вернуть Джаварат.

Не сумел. Не сумел. Не сумел.

Он освободил свой разум, стряхнув мысли. «Теперь всё по-другому», — напомнил себе Насир. Поводок, связывающий его с отцом, спутался, цепляясь о жизни многих других. Зафира, Альтаир, Кифа, его мать, и самое главное — Ночной Лев, вонзивший в Гамека свои когти, контролировавший каждое движение султана.

Взгляд Насира метнулся к дальнему концу коридора, где вне досягаемости располагалась каюта Зафиры.

Девушка редко показывалась на палубе, но каждый раз крепко прижимала к себе Джаварат, а её взор был пустым, отсутствующим. Насиру было не по себе от того, что лёд в её глазах таял, и вместо этого во взгляде девушки появлялось нечто иное. Но он трусил, не мог приблизиться к ней, и память о последних безумных мгновениях на Шарре, которые они разделили, отступала. Они отдалялись друг от друга всё больше, и Насир не знал, как это прекратить.

Он остановился, чтобы дать отдых ноге, и оперся о расщеплённую балку. Серебряная Ведьма — его мать, gīmaal! — выбрала себе каюту так же далеко, как и Зафира. Когда Насир

¹ Zumra — банда (здесь и далее — перевод с арабского, если не указано иного).

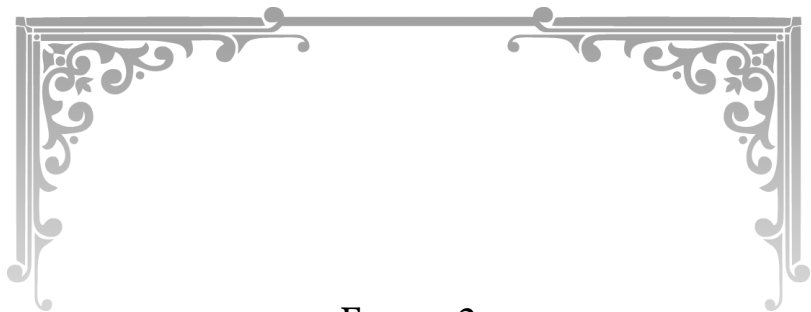
наконец добрался до её двери, то замер, увидев, как что-то тёмное блеснуло на досках пола.

Кровь?

Стянув перчатку, Насир коснулся пятна двумя пальцами, потом поднёс руку к носу. Острый металлический запах — точно, кровь. Отерев пальцы об одежду, он поднял взгляд, проследил, куда ведёт след.

Тот вёл к двери последней каюты и исчезал за ней.

Это была каюта Зафиры.

Глава 2

Её кости кровоточили силой, сочившейся из самой её души, а остатки струились в какую-то невидимую бездну, опустошая её. Сколько себя помнила, Зафира бинт Искандар не раз уже отправлялась в проклятый лес Арз, и магия понемногу впитывалась в её кожу. Присутствие волшебства было постоянным, всегда — рядом.

А теперь оно вдруг исчезло.

Заперто в ящике, в укромном закутке под надзором излишне самоуверенной зарамийки. Джаварат отзывался на её раздражённые мысли.

— Я собиралась уничтожить книгу после того, как волшебство вернётся. — Анадиль, Серебряная Ведьма, Султанша Аравии, одна из Шести Сестёр Забвения, поджала губы, глядя на зелёный фолиант на коленях Зафиры. В огне светильника тени обрисовывали её лицо, а белые волосы сияли золотом. Каюта Зафиры меркла перед её великолепием.

«*Она нас не любит*», — напомнил Джаварат.

Зафира больше не вздрагивала, когда слышала голос книги. Этот голос уже не был похож на успокаивающий шёпот, ласкавший её, зовущий из теней в окрестностях Арза. Пре-

жде девушка думала, что её зовёт друг, пока не узнала, что голос этот принадлежит Ночному Льву.

Нет, теперь он звучал напористо, требовательно, и всё же наполнял пустоту, оставшуюся после ухода волшебства, и жаловаться не приходилось.

«Да, не любит».

Теперь она отвечала Джаварату.

После всех тех трудностей, через которые прошла Зафира, чтобы заполучить отверженный артефакт, она не позволит этой полной презрения ведьме уничтожить книгу. О небеса, да зачем Анадиль вообще явилась к ней в каюту?

— Ты боишься его. Джаварат — воплощение памяти моих сестёр, — сказала Серебряная Ведьма, бросив на неё испепеляющий взгляд с койки. Теперь, когда Зафира знала, что эта женщина была матерью Насира, она видела сходство с ним в этом взгляде.

— Чего мне бояться?

«Она не знает. Не ведает, что мы узнали на Шарре».

Отзвук в её лёгких был приказом молчать, но также служил напоминанием: даже сама Зафира не знала, что именно она узнала на Шарре, когда случайно порезала ладонь и привязала себя к этой книге. Ибо Джаварат был чем-то большим, нежели воспоминания Сестёр.

За девяносто лет с Ночным Львом на Шарре книга пропиталась в том числе и его воспоминаниями, о чём Серебряная Ведьма не имела ни малейшего представления. *Никто* не представлял.

«Расскажи им». Её совесть была едва слышным шёпотом, заглушённым тяжёлым присутствием Джаварата, но не поэтому Зафира к ней не прислушивалась. Она просто не могла. Не могла рассказать о Джаварате точно так же, как не могла рассказать о тьме, которая прежде говорила с ней. Страх искажал любые слова, которые она пыталась произнести. Зафира боялась — боялась, *какой* её увидят другие. Её ведь уже осуждали просто за то, что она родилась женщиной.

— Но он нужен нам, — проговорила Зафира наконец,

стараясь, чтобы её лицо выглядело безмятежным. Сундук под ней был накрепко привинчен к палубе корабля, но её желудок подпрыгивал в такт качке. — Чтобы вернуть волшебство.

— Я — одна из Сестёр, девочка. Я знаю, как вернуть волшебство. А вот об этой книге, напротив, я знаю не так уж много, ибо Сёстры создавали её в последние мгновения своего существования. Такова была их последняя попытка одолеть Льва.

И это им удалось. Сёстры оказались достаточно могущественны и не только уничтожили Льва, но и пленили его на Шарре и создали Джаварат. С точки зрения Зафиры, книга была создана для одной-единственной цели — стать вместилищем воспоминаний Сестёр, чтобы однажды другие узнали их историю. Узнали, почему в тот роковой день Аравия лишилась магии и почему они погибли, а главное — где были их сердца.

— Когда сердца извлекли из минаретов, Аравия лишилась магии, но заклятие, пленявшее Льва, зачёрпнуло так много, что это стало проклятием для всего королевства, выпило энергию из каждого халифата и принесло хаос. Снег в Деменхуре. Тьма в Сарасине. А на Шарре время замерло, — сказала Серебряная Ведьма, увидев, как удивлена Зафира. — Разумеется, сроки жизни стали длиннее безо всяких причин. Смерть стала заветным желанием. Даровав свободу Джаварату и сердцам, ты освободила Аравию и всех тех, кто был пленён под островом. Наконец им был дарован мир, которого они так жаждали.

— Но, значит, кафтары... — Зафира осеклась, тербя край шарфа на шее. Ей не нравилось, как на неё смотрели мужчины, умеющие превращаться в гиен, но они пришли на помощь zumга. Помогли отбить орду ифритов Льва.

— Мертвы.

Зафира судорожно вздохнула. Как долго нужно было прожить, чтобы смерть стала заветным желанием?

В тишине раздались крики Цзинань, но шум волн заглушал топот множества ног по палубе. Её договор с Беньями-